

Агроном

Я пропустил его смерть, а он был для меня важен. Дело в том, что еще в СССР у меня образовался такой небольшой пантеон иностранных «гениев», загадочных, непонятных и потому притягательных.

Я помню, что когда симпатизировавший мне журналист Matthieu Galey пригласил меня на обед, это был, по-моему, 1983 год, меня познакомили с показавшимся мне обычным коротышкой-буржуа, седовласым и добродушным, тот протянул мне руку и вполне обычно произнес: «Жак Одиберти», я вздрогнул. Я помнил, что читал об этом типе в книге советского журналиста, может быть, Жукова, о литературном Париже и как там не по-марксистски выпендриваются. Тот Жак Одиберти из разгромной критической книги сидел в кресле, мрачный как дьявол, на руке у него была грубая рукавица, а на рукавице сидел нахохлившийся большой птиц, то ли сокол, то ли орел, то ли стервятник с огромным клювом.

– Я о вас читал еще в Москве, – сказал я Жаку Одиберти. И он был польщен. Польщен был и я, так как все собравшиеся в тот вечер на обед в мою честь читали меня, благодаря пригласившему нас хозяину квартиры, жаль, что он рано умер тогда от AIDS.

Луи Арагон был жив, когда я приехал в Paris, у меня даже было письмо к нему от прославленной Лили Брик, но к Арагону я не попал, по-моему, это Жан Риста, его душеприказчик, не звал Арагона к телефону, когда я ему звонил несколько раз. А потом Арагон умер, а я подружился с Риста и его ревью *Digraphe*. Свел нас товарищ Рекатала, коммунист с испанской кровью.

Жан Жене, это уже гений без кавычек, жил в ту пору в Paris, однако встретиться с ним не было возможности. Он спустился на дно, спрятался, обозленный на Францию, в дешевых арабских отельчиках. Официальная Франция его прокляла за его engagement на стороне палестинцев, а он в свою очередь проклял официальную Францию.

Перебравшись в Paris, я первым делом спросил у появившихся у меня издателей Жан-Жака Повэра и Жан-Пьера Рамзэя, Жан Жене ведь жив? Как с ним можно познакомиться? Оба уныло покачали головами. Он жив, но общество делает вид, что его нет.

В 1986-м Жан Жене умер в захудалом арабском отельчике в Paris – вот как повествует о его конце французская Википедия: «15 апреля 1986, один и съдаемый раком горла, писатель неловко упал ночью в комнате 205, в Jack's Hôtel, номер 19, авеню Stephen-Pichon в Париже, и умер».

Когда он умер, французская власть немедленно оприходовала его славу и его гений. Министр культуры того времени Джек Ланг бросился в Jack's Hôtel. Однако ненависть Жене к Франции была столь велика, что он завещал похоронить себя на старом испан-

ском кладбище La Rache в Марокко. Мне заказали его некролог. Журнал *Révolution*.

А вот с Роб-Грийе мы пересеклись в 1987-м в Будапеште. К этому я успел.

Нужно признаться, я был разочарован. Предомною предстал седобородый, вполне дружелюбный, разговорчивый мужчина, сопровождаемый знаменитой его подругой Jeanne de Berg. Вот она, злая, в сигаретных клубах, имевшая в прежние времена славу сексоманки и извращенки, произвела на меня большее впечатление. Постаревшая и помрачневшая, она сохранила тайну.

В Будапешт нас всех созвала долговязая Ann Getty, жена старшего, если не ошибаюсь, сына старого нефтяного магната из Америки, сына звали не то Роберт, не то Ричард. Ann Getty возглавляла в те годы Wheatland Foundation, и ее хобби была литература. Очень высокая, думаю, она была выше 185 сантиметров, с очень правильными чертами свежего лица, намекающими на операции plastic-surgeon, Анн без устали собирала литературные конференции в столицах Восточной Европы, я побывал по крайней мере на двух, в Вене и в Будапеште. Еще Анн стала владелицей издательства Grove Press и тем загубила его. Поставив во главе издательства старика Weidenfeld'a, липового лорда, потому что никаким лордом он не был, получил лорда за бог весть какие заслуги, в СССР сказали бы: «по блату». Урожденный в еврейской семье в Вене еще до войны, Weidenfeld, став издателем Grove, с энтузиазмом взялся издавать книги своих стариков-приятелей о любимом городе Вене, чем, на мой взгляд, и разорил издательство. И ведь какое! Так, они первые в USA издали «Тропик Рака» Генри Миллера.

Возвращусь к Алену Роб-Грийе. Итак, Будапешт, 1987 год, отель Hilton. В Будапеште уже был отель

Hilton, но еще стояли советские войска. Конференция была интернациональная, где-то восемьдесят литераторов со всех стран мира, даже писатели из Индии, и среди них даже писатель-сикх в тюрбане. На той конференции я умудрился совершить несколько скандалов, нужно сказать, что эффект скандала происходил от того, что мои вполне себе справедливые воззрения на тот или иной предмет истории или политики сталкивались с неправильными, ханжескими, недостоверными воззрениями моих коллег.

Далее я, может быть, расскажу об этих скандалах, если не забуду.

С Роб-Грийе же мы сблизились как раз после этих скандалов. Хорошо, вот тезисно, что это были за скандалы, раз уж они вызвали интерес мэтра «нового романа» ко мне. Для начала я, как холодный северный ветер, ворвался в их теплое собрание во время речи Нобелевского лауреата Чеслава Милоша. Когда тот стал клеймить позором СССР за пакт Молотова-Риббентропа, я напомнил ему, что еще в 1935 году Германия и Польша заключили подобный пакт, и что в 1938 году Польша участвовала на стороне Германии в разделе Чехословакии и захватила тогда район Щецина.

Второй скандал, это когда я дал по голове бутылкой из-под шампанского британскому писателю Полу Бэйли. Бэйли стал кататься по полу, выкрикивая, что его убивают, а на меня набросились многонациональные писатели. Помню, что мне на помощь пришел суровый американский парень в ковбойской шляпе и ковбойских сапогах, фамилии его не помню, знаю, что он жил в пустыне.

Где был в этот момент Ален Роб-Грийе, понятия не имею, но после этой драки в холле отеля он и его Jenne de Berg подошли ко мне и заговорили. К нам

присоединился еще тогда совсем молодой французский écrivain Jean Echenoz. Так, кажется, он пишется.

Помню эпизод, когда мы катим куда-то в автобусе, на некую экскурсию, вот не помню, какую и куда, записались среди прочих писателей. Автобус полупустой, вероятно, эта экскурсия не привлекла большинство писателей.

Я сижу у окна. Пара Роб-Грийе – впереди. Эшеноз – рядом. Рядом, оказалось, едет защитного цвета открытый газик. В нем двое военных: водитель и офицер. Офицер курит сигарету.

Роб-Грийе поворачивается: «Ваша Красная Армия. Оккупанты», – улыбается он.

Вглядевшись в офицера, я, наконец, понимаю, что это советский офицер. На нем нет фуражки и ветер свободно треплет его волосы.

Внезапно я чувствую прилив воинственной гордости. «Да, это наша армия». Офицер докуривает сигарету и бросает окурочок. Окурочок уносит ветер. На автобус он не обращает внимания.

Дальше я помню, что мы стояли у какого-то пахучего дерева и Роб-Грийе, добрый и бородатый, объяснял нам, что это за дерево и чем оно знаменито.

Из нескольких коротких бесед с Аленом Роб-Грийе я внезапно понял, что наш Бродский весь вышел из него, из Роб-Грийе. Это Роб-Грийе сформулировал впервые идиому, что Родина писателя это язык. Бродский щеголял этой идиомой всю свою жизнь.

Все большие люди, признаюсь, неизменно разочаровывали меня при личных встречах. То же самое случилось и с Роб-Грийе. Он показался мне слишком добрым. И потому сразу же перестал быть моим героем. Потому что герой не может быть добрым. Подумайте сами, и придете к выводу, что я прав.

Мы обменялись телефонами с агрономом Роб-Грийе. Я помню, несколько дней надеялся, что они

мне позвонят, и, возможно, в конце концов я расширю свои знания о французских растениях. Этого не случилось, звонок не последовал. Тогда я набрал их сам. Ответила мне Jeanne. Мы недолго поговорили. Но так и не встретились. Помню, кто-то из знакомых предостерег меня от встречи с парой. Дескать, они захотят войти с тобой в отношения «ménage à trois, Edouard...»

С Jean Echenoz я встретился в Paris. Возможно, я был ему интересен. Мне он был умеренно интересен. У меня были друзья в издательстве Dilettante, и в журнале Digraphe, и в журнале Actuel, и в издательствах Ramsay и Albin Michel. Вскоре к ним прибавились совершенно офигительные и офонарительные новые друзья из L'Idiot International. Больше количество друзей-писателей я переварить не мог бы.

Так что с Echenoz дружбы не получилось. По той же причине не получилось сближения и со знаменитым когда-то Роб-Грийе. К тому же, к тому времени он был уже порядком подзабыт. Я думаю, в 1980-е в Paris я был намного известнее его.

Умер он в 2008 году в Кан, а не в Каннах. Я уже долгое время жил в России, основал партию, отсидел в тюрьме. Мир его праху, он так увлеченно рассказывал о пахучем дереве, под которым мы стояли.